

ПЕРЕСТРОЙКА: ДВАДЦАТЬ ЛЕТ СПУСТЯ

Материалы круглого стола

Содержание

Выйти за пределы «мелового круга» <i>Логинов В.Т.</i> , д-р ист. наук, проф., зав. кафедрой истории и культурологии Университета Российской академии образования	4
«Консенсус крайностей» <i>Колганов А.И.</i> , д-р экон. наук, ведущий научный сотрудник МГУ им. М.В. Ломоносова.....	6
«Перестройка перестройки» <i>Галкин А.А.</i> , д-р ист. наук, проф., главный научный сотрудник Института социологии РАН.....	14
Две исторические тенденции <i>Славин Б.Ф.</i> , д-р филос. наук, профессор Московского государственного педагогического университета.....	23
«Творчество второго уровня» <i>Журавлев В.В.</i> , д-р ист. наук, зав. кафедрой Московского государственного областного университета	34
«Говорить об итогах рано» <i>Маслов Д.В.</i> , д-р ист. наук, профессор Московского государственного индустриального университета.....	38
Растерявшиеся конформисты <i>Загладин Н.В.</i> , д-р ист. наук, проф., зав. Центром сравнительных социально-экономических и социально-политических исследований ИМЭМО РАН.....	43
Между «перестройкой» и «постперестройкой» – бездна <i>Дедков Н.И.</i> , зам. главного редактора журнала «Свободная мысль»	48
«Его Величество – Случай» <i>Дурновцев В.И.</i> , д-р ист. наук, проф., декан факультета истории и философии Университета Российской академии образования.....	52
«Великий обман» <i>В.Т. Логинов</i>	55

Содержание

Выйти за пределы «мелового круга» <i>Логинов В.Т.</i> , д-р ист. наук, проф., зав. кафедрой истории и культурологии Университета Российской академии образования	4
«Консенсус крайностей» <i>Колганов А.И.</i> , д-р экон. наук, ведущий научный сотрудник МГУ им. М.В. Ломоносова.....	6
«Перестройка перестройки» <i>Галкин А.А.</i> , д-р ист. наук, проф., главный научный сотрудник Института социологии РАН.....	14
Две исторические тенденции <i>Славин Б.Ф.</i> , д-р филос. наук, профессор Московского государственного педагогического университета.....	23
«Творчество второго уровня» <i>Журавлев В.В.</i> , д-р ист. наук, зав. кафедрой Московского государственного областного университета	34
«Говорить об итогах рано» <i>Маслов Д.В.</i> , д-р ист. наук, профессор Московского государственного индустриального университета.....	38
Растерявшиеся конформисты <i>Загладин Н.В.</i> , д-р ист. наук, проф., зав. Центром сравнительных социально-экономических и социально-политических исследований ИМЭМО РАН.....	43
Между «перестройкой» и «постперестройкой» – бездна <i>Дедков Н.И.</i> , зам. главного редактора журнала «Свободная мысль»	48
«Его Величество – Случай» <i>Дурновцев В.И.</i> , д-р ист. наук, проф., декан факультета истории и философии Университета Российской академии образования.....	52
«Великий обман» <i>В.Т. Логинов</i>	55

ВЫЙТИ ЗА ПРЕДЕЛЫ «МЕЛОВОГО КРУГА»

Логинов Владлен Терентьевич,

д-р ист. наук, проф., зав. кафедрой истории и культурологи
Университета Российской академии образования

Вряд ли кто-либо предполагал, что 20-летие Перестройки вызовет столь широкий «юбилейный» резонанс. Большинство участников нашего «круглого стола» участвовали в целом ряде подобных мероприятий. И лично меня они повергли в уныние. Ибо выяснилось, что, во-первых, никто никого не читает, а, во-вторых, что никто никого не слушает и не слышит.

Диаметрально противоположные, взаимоисключающие точки зрения существуют как бы в параллельных пространствах, не пересекаясь и не сталкиваясь между собой. На конференции в РГГУ позицию сформулировал Виктор Шейнис («Яблоко»), его доклад так и назывался – «Панегирик Перестройке». А в Государственной Думе, где Жириновский (ЛДПР) собрал профессуру и студентов, он заявил, что материалы данных «чтений» надо передать в Прокуратуру РФ для привлечения к уголовной ответственности «Преступника № 1» Горбачева, инициировавшего Перестройку. Открывая эти «чтения» Жириновский с пафосом воскликнул: «Найдется ли в этом зале хоть один человек, который будет защищать перестройку?!» Пришлось мне поднимать руку и выступать, хотя я вовсе не собирался быть чьим бы то ни было адвокатом.

Чрезмерная политизация проблемы – вот что мешает анализу и диалогу ученых. А посему задача нашего «круглого стола» несколько необычна. Давайте попробуем выйти за пределы очерченного политическими страстями «мелового круга», т.е. не декларировать исключительно свою позицию, а прислушаться к чужим аргументам, вычленив в них какие-то рациональные зерна. И мне кажется, что, хотя и стихийно, этот процесс уже начался.

На прошедших конференциях, симпозиумах и «круглых столах», например, уже не слышно было выступлений, объяснявших Перестройку неким внешним «заговором», исходяв-

шим из ЦРУ. Более убедительно звучали те выступления, которые исходили из внутренних причин происходивших политических, экономических, этнонациональных процессов.

Далее, при всей разногласии, большинство сходилось в том, что к 1985 году необходимость радикальных перемен вполне назрела. И в этом смысле Перестройка стала ответом на вызов времени. Был, впрочем, определенный пережест, когда некоторые из выступавших утверждали, что детальный план преобразований разработала еще команда Андропова и беда Перестройки заключалась в том, что эти предначертания не были реализованы. Впрочем, никаких документальных свидетельств наличия подобного «андроповского плана» так и не выявлено.

Определилась и одна из наиболее значимых проблем – хронологические рамки Перестройки: 1985–1991 года. Это наносит серьезный удар по утвердившейся в массовом сознании мифологеме, согласно которой Перестройка, начатая в 1985 году, была якобы продолжена Ельциным и т.д. Рубеж 1991 года становился все более очевидным.

Не все то, что случилось «после», является следствием того, что было «до». Возьмите вопрос собственности. *Перестройка*: политика, направленная на повышение эффективности различных форм общенародной и личной собственности для повышения жизненного уровня населения. *Постперестройка*: криминальный раздел общенародной собственности, ее концентрация в руках кучки олигархов и погружение в бедность основной массы населения. То же самое и с вопросом о власти. *Перестройка*: вовлечение граждан в управление государством и регионами, контроль за производством – вплоть до выбора директоров. *Постперестройка*: отстранение населения от процесса выработки политических решений и контроля за производством, манипулирование электоратом с помощью политтехнологов, «черного пиара» т.д. Впрочем, это уже моя трактовка и о ней можно спорить.

В конце XIX века французская борьба вошла в моду. А став модой, естественно, превратилась в объект бизнеса и переста-

ла быть спортивной борьбой. Определить, кто чемпион, кто первый и кто последний, стало уже просто невозможно. И вот борцы и судьи стали периодически собираться в одной из гамбургских пивных, чтобы – хотя бы для себя – прояснить эту проблему. Так появился «гамбургский счет».

Многие из тех, кто собрались сегодня за нашим «круглым столом» являются авторами школьных и вузовских учебников. И в этом смысле они в какой-то степени «несвободны» в своих суждениях. Но, оставив учебники на время в стороне, давайте попробуем – хотя бы для себя – прояснить узловые проблемы того исторического периода, который получил название «Перестройка».

«КОНСЕНСУС КРАЙНОСТЕЙ»

Колганов Андрей Иванович,

*д-р экон. наук, ведущий научный сотрудник МГУ
им. М.В. Ломоносова*

Я не являюсь историком, тем более историком перестройки, хотя изучал этот период как экономист. Как многие из нас, я был активно вовлечен в происходившее тогда общественное движение и имею о нем довольно широкое представление. Динамика процесса была достаточно ясна уже тогда, хотя нередко понимание приходило с некоторым опозданием. Когда мы смотрим «туда» нынешним взглядом, понятно, что 1985 год, конечно, формационным рубежом не был. Рубежи надо отмечать в другие годы. 1985 год был таковым только с точки зрения тех кадровых перемен, которые сделали процесс очевидным.

Приход к власти Горбачева ознаменовал обращение к открытому обсуждению и открытому поиску ответов на те вопросы, которые были поставлены раньше, но поставлены очень завуалированно и обсуждались очень узким кругом. Можно сказать, что 1985–1986 годы во многом были продолжением «андроповской» линии, потому что работали одни и те

же кадры, те же самые идеологические и теоретические подходы, которые были разработаны ранее. Но очень быстро стало ясно, что всего этого недостаточно, что «андроповский» подход не срабатывает. Такой, не только косметический, но даже несколько более глубокий ремонт старого здания, не дает решения проблем. 1987–1989 гг. – поиск других теоретических платформ, выработка иных политических концепций. Эти попытки и поиск были запоздалыми, потому что велись тогда, когда надо было уже действовать.

Нельзя сказать, что Горбачев и вся тогдашняя партийная верхушка не действовали. Действовали, да еще как действовали, но это была лишь их импровизация. Новых глубоких подходов у них не было. Они не знали и не понимали, что делать. Они чувствовали, что прежние подходы себя исчерпали, не срабатывают, но время было упущено. Было совершено очень много ошибок. О природе их можно спорить. Но инициатива была утрачена потому, что прежние неэффективные установки оказались вытеснены не новыми представлениями о социализме, а идеологемами антисоциалистических сил.

Сами руководители процесса перестройки, которые какое-то время держали его под контролем, начали к 1990 году постепенно отходить от своих собственных позиций. Не вырабатывать новые подходы, а переходить на позиции своих оппонентов, хотя бы частично. Они стали уступать, заимствовать лозунги и программы у тех, кто подвергал критике их политические позиции, и сам Советский Союз, как историческую реальность. Как только такое отступление началось, стало очевидно для всех, что эти люди больше у власти не нужны. Не нужны как противникам социализма, ибо были их политическими конкурентами, так и сторонникам его, потому что уже перестали эффективно отстаивать социалистический выбор.

Инициаторы перестройки пытались занять промежуточную компромиссную позицию. Я вполне понимаю мотивы этого компромисса, потому что в условиях, когда у тебя нет ясности, что делать и как выходить из сложной ситуации, единственный выход – уступки. Положение усугублялось тем, что сами уступки тоже были непродуманными. Они делались как

той, так и другой стороне («демократам» и консерваторам), и это был худший вариант, потому что это не удовлетворяло ни тех, ни других, и озлобляло и тех, и других. Например, Горбачев делал фактические уступки консерваторам, хотя бы тем, что он закрывал глаза на применение силы в союзных республиках, утверждая, что он ничего не знал и ничего не применял. Но ведь это было, и сила применялась тем самым государством, главой которого он являлся. Этим он страшно озлоблял демократические силы. Когда он делал уступки тем, кого именовали демократами, это, естественно, озлобляло консерваторов.

Собственная политическая база Горбачева сужалась. Я не думаю, что ее вообще не было. Довольно много людей продолжали поддерживать Горбачева вплоть до конца его политической карьеры. Но и они в какой-то степени были в нем разочарованы. Поэтому поддержка была пассивная, хотя и широкая, но не активная. Скажем, во время голосования на референдуме по судьбе Советского Союза. Активными были крайние крылья – консервативное и реформаторское, которые мобилизовали основные общественные силы. Они (эти два крыла) фактически узурпировали вопрос об альтернативе. Вот в чем своеобразие той идеологической ситуации – фактически оба этих крыла настаивали, что альтернатива такова: либо возврат к старой сталинской модели социализма, либо полный демонтаж социалистической системы. Между обоими крыльями был консенсус в этом вопросе: разница была только в том, какой вариант они выбирали. Все, кто хотели избрать иной вариант, оказались оттеснены с политической сцены, были недостаточно сильны, чтобы свою позицию открыто отстаивать.

Кроме того, эта третья позиция не была внятно артикулирована в тот период времени. Желание ее найти было достаточным, но ясной формулировки этой позиции и ясной программы действия не было – такой программы, которая могла бы увлечь значительную часть населения. Окончилось это политическим фиаско данной позиции. Даже многие из тех, кто изначально ее поддерживал, стали растекаться по двум крайним позициям, остальные впали в политическую апатию, утратили веру в то, что такая перспектива возможна.

Это был очень глубокий политический кризис, и он завершился падением власти. Это, безусловно, был переломный момент (1990–1991 гг.), период кризиса власти КПСС и очевидной утраты ее, в конечном итоге. Власть утекала: это было официально закреплено запретом на деятельность КПСС и демонтажем федеральной исполнительной власти в союзных республиках, фактической ликвидацией съезда народных депутатов СССР, еще до того, как был ликвидирован сам СССР. Таким образом, с точки зрения власти, это был очень резкий перелом, одна группа правящей элиты сменилась другой.

Что это за группа, до сих пор точно сказать сложно. Этот вопрос связан с ротацией элиты на тот период. На самом деле очень уж радикальной ротации не произошло, потому что перегруппировка внутри элиты произошла еще до того, как Горбачев формально утратил власть. Перегруппировка эта произошла внутри действующего аппарата власти. Консервативное крыло стало терять свои позиции, реформаторское крыло укреплялось. И более того, это реформаторское крыло переходило на все более радикальные позиции, смыкаясь с оппозицией власти КПСС за пределами государственного аппарата. Эта последняя, при всей ее крикливости, политической амбициозности, значительном влиянии на настроение масс, не обладала в 1990–1991 гг. такой силой, которая позволяла бы ей самостоятельно взять власть в руки. Без поддержки изнутри государственного аппарата у радикальных демократов надежды взять власть не было, потому что они не пользовались поддержкой большинства населения, будучи, однако, поддержаны его наиболее активным меньшинством.

В самом аппарате власти КПСС произошел раскол, который в свое время (отчасти) был предсказан Львом Давидовичем Троцким в книге «Преданная революция». Он предполагал, что если партийная бюрократия не будет смещена в ходе новой рабочей революции, то произойдет ее постепенное капиталистическое перерождение и она, в конечном итоге, решит, что следует конституировать себя как нормальный правящий класс, обладающий собственностью, а не находиться на положении, хоть и высокопоставленных, но все-таки наемных слу-

жащих. Та часть аппарата КПСС, которая эту эволюцию проделала (в значительной степени, но не до конца), решила отказаться от прежнего наследия, отказаться от тех рамок, в которые она была поставлена партийной идеологией, и сделать ставку на ту или иную модель капитализма, если называть вещи своими именами. Не обменять власть на собственность, а использовать эту власть для приобретения собственности. Проблема для них заключалась в том, что они тоже в одиночку не могли этого сделать, им нужна была социальная опора. Они нашли ее (социальную и политическую) вне государственного аппарата. Раз они делают ставку на капитализм и получение частной собственности, значит, надо этой собственностью с частью населения поделиться и привлечь, тем самым, ее на свою сторону. Соответственно – поделиться с новыми собственниками властью, приняв вместо старой советской системы власти атрибуты буржуазной демократии.

Так обстояло дело к концу 1991 года: произошло соединение тех, кто стремился стать капиталистами, но не входил в старую правящую элиту и тех, кто стремился стать капиталистами, и в нее входил. Плюс к этому раздавались широковещательные обещания по поводу того, что всех сделают собственниками, что затронуло заметную часть населения. Тем более, что при капитализме крупных и мелких собственников действительно миллионы. Очень многие рассчитывали, что в этой гонке за собственностью они окажутся в первых рядах. Каждый рассчитывал, что уж он-то, умный и пронырливый, окажется обязательно первым. И действительно, масса населения, рядовых инженеров и научных сотрудников, стала мелкими, средними, а иногда, и крупными собственниками. Это был социальный сдвиг. Появились и нищие. Но не вся масса населения в этот разряд попала. Ведь тех, кто обогатился, не десятки и сотни, их действительно миллионы. Довольно много людей улучшили свой социальный статус.

Трагедия горбачевской перестройки заключалась в том, что Горбачев уловил и угадал несколько абсолютно правильных направлений, по которым нужно было проводить реформы. И в то же время не принял во внимание некоторые фундамен-

тальные обстоятельства, которые обесценивали его замысел. Горбачев совершенно правильно сделал акцент на борьбе с бюрократизмом и властью бюрократии, на развитии самоуправленческих начал социализма, но при этом он не учел, что вопрос не в том, чтобы заменить некую дефектную деталь модели социалистического общества, существовавшего ранее, новой правильной деталью, а вопрос в изменении самых основ той системы, которую он унаследовал в 1985 году.

Эта система по большому счету в целом не может быть квалифицирована как социалистическая. Речь в ходе перестройки на самом-то деле шла не о том, чтобы реформировать социализм, а о том, чтобы создать его (и этого тогда подавляющее большинство, в том числе и я, не понимало). Трудность выпавшей ему задачи Горбачев недооценил, ибо неясна была сама суть задачи. Мы к 1985 году имели лишь некие деформированные элементы социализма, из которых нужно было создать некую работоспособную целостность. Когда Горбачев начал атаку на бюрократию, начал развивать демократию, самоуправленческие начала в обществе, он недооценил силы сопротивления той системы, которая существовала, и глубины тех преобразований, которые он должен был осуществить. Не хватило времени для укрепления самоуправленческих институтов, как экономических, так и политических. Почему?

Принципиальная слабость горбачевской политики (не его личная вина в этом заключается) состояла в том, что он был плоть от плоти того слоя, в котором он вырос, действовал как бюрократ, действовал не революционно. Он не строил свою политику так, чтобы открыть дорогу инициативе массы людей, поставить их в условия, когда они были бы заинтересованы в строительстве самоуправленческого социализма. Напротив, он этот процесс сдерживал, иногда и блокировал. Могу сослаться на конкретные обстоятельства.

Первое: Горбачев всячески сдерживал демократизацию в той части политической системы, где были сосредоточены сторонники социализма, и где были сосредоточены наиболее влиятельные его противники – в коммунистической партии. Он блокировал возможности действия партийных масс по

сбрасыванию застывшей и переродившейся партийной бюрократии. Он дал возможность воспользоваться политической демократией за пределами КПСС – противникам социализма, но с большим запозданием дал ее членам собственной партии – сторонникам социализма. Эти ворота он начал открывать, но значительно позже, когда время было упущено, поэтому бюрократия подошла к самым кризисным годам – 1990–1991 – консолидированной, а сторонники социализма в КПСС только-только начали организовываться на новой демократической основе. По существу они ничего не успели сделать.

Можно сравнить сложившуюся ситуацию в какой-то мере со сталинскими реформами. Может быть, замысел Сталина был не так уж плох, и мог бы удалиться, но не в тех конкретных исторических условиях, в которых он осуществлялся. В тех условиях он был обречен. Здесь сложилась аналогичная ситуация: Горбачев как часть бюрократического аппарата, в котором он вырос, видел и понимал кризисный характер системы, искал выход, но методы преодоления проблем, которые он выработывал, неизбежно носили отпечаток этого бюрократического аппарата. Он отражал интересы масс, которые давили снизу на этот аппарат, он их учитывал, но традиции бюрократического аппарата над ним довлели. Он в этом смысле оказался очень противоречивой фигурой. Его политика тоже носила противоречивый двойственный характер.

Противники социализма, оценивая перестройку, любят употреблять такой аргумент: политическая система социализма при демократии разрушается, приводя при этом пример с горбачевским «дарованием» демократии. Социализм, якобы, не может существовать при демократии, только при тоталитаризме, а, в крайнем случае – при авторитаризме. Этот аргумент неверен. Горбачев действительно пытался создать демократическую модель политической системы. И рухнула она не по причине демократии. И даже по большому счету не потому, что политические реформы опередили экономические. Власть КПСС и власть Горбачева были свергнуты не демократическим путем. Его могла бы погубить демократия (ибо в откры-

том политическом соревновании КПСС потеряла позиции), но так не произошло.

Власть КПСС и остатки советской модели социализма были уничтожены, по меньшей мере, тремя государственными переворотами – августовским 1991 года, декабрьским 1991 года, октябрьским 1993 года (когда были ликвидированы остатки старой политической системы, а заодно было уничтожено полностью местное самоуправление). Не демократия погубила социалистическую модель, не ее избыток, а ее недостаток, то, что она не вошла органично во всю ткань общества.

Второе: изменения в Законе о предприятиях, которые были приняты в 1990 году. Эти изменения полностью ликвидировали появившиеся два года назад функции самоуправления в трудовых коллективах, но оставляли свободу рук для «красных директоров», т.е. уничтожали заинтересованность масс в поддержке этой системы. В то же самое время эти решения оставляли неприкосновенными и даже укрепляли те процессы, которые уже много лет распатывали старый централизованный плановый механизм (теневая частнохозяйственная экономика), не заменяя его каким-то другим. А странный (с точки зрения международного опыта) закон о кооперативной деятельности фактически легализовал теневую экономику, позволив почти в открытую сомкнуться частнопредпринимательской деятельности хозяйственной бюрократии и массы мелких дельцов «черного рынка», не входивших в ее ряды.

Это была очень грубая ошибка (если судить с социалистических позиций), но она происходила из природы той власти, которая была все-таки властью бюрократии, несмотря на все свободные выборы и съезды народных депутатов. Власть КПСС все-таки оставалась властью бюрократов. В этом была коренная проблема: власть при всей ее демократизации сохраняла в себе бюрократическое ядро. Оно в силу того, что несло вывеску «КПСС», отождествлялось с социализмом. Более того, в КПСС оказались привязанными друг к другу сторонники социализма и верхушка бюрократии. Насильственным образом они соединялись там, что резко подрывало политический и идеологический престиж сторонников социализма в обществе.

Разорвать эту связку сторонники социализма сами не успели, не хватило времени. До большинства людей в обществе долго «не доходило», что коммунистическая партия теряет престиж, что она уже отождествляется с бюрократическим тоталитаризмом, что острее политического удара будет направлено против власти КПСС, и что КПСС быстро власть потеряет. Единственный выход я (как и некоторые радикальные социалисты вне КПСС) видел тогда в том, чтобы сторонники демократического самоуправленческого социализма сами нанесли этот удар, опередив антисоциалистическую оппозицию, т.е. нужно было решать вопрос революционно, по-социалистически. Но эти взгляды разделяло мизерное меньшинство из тех, кто считал себя сторонниками социализма. Остальные предпочитали реально ничего с бюрократией не делать, сначала надеясь на возможность эволюции КПСС в желаемом направлении, а потом проявив полную растерянность.

«ПЕРЕСТРОЙКА ПЕРЕСТРОЙКИ»

*Галкин Александр Абрамович,
д-р ист. наук, проф., главный научный сотрудник
Института социологии РАН*

Я был участником многих мероприятий, посвященных 20-летию перестройки. И очень часто, слушая выступления, невольно вспоминал бессмертные строки из поэмы Шота Руставели «Витязь в тигровой шкуре»: «Каждый мнит себя стратегом, видя бой со стороны». Пытаясь объективно осмыслить прошлое, следует все же помнить о принципиальной разнице между процессом принятия основополагающих решений в обстановке глубочайших социальных и экономических потрясений, в условиях острого дефицита времени и противоречивых импульсов со стороны противостоящих политических сил, и размышлениями по поводу происшедшего в уютном кабинете за круглым столом спустя двадцать лет.

Трудно также отделаться от ощущения, что кое-кто – а таких все еще достаточно много – вместо того, чтобы осмыслить полезные уроки из важного исторического события, пытается использовать память о нем для сведения не полностью сведенных политических счетов.

Между тем 20-летие перестройки – это вовсе не повод для того, чтобы докричать то, что не докричали когда-то, а стимул для серьезных размышлений о том, что же, в конечном счете, происходило, чем это было обусловлено, какими были варианты дальнейшего развития и что получилось в конечном итоге. Разумеется, в одном, сравнительно небольшом выступлении затронуть все эти вопросы не удастся. Поэтому остановлюсь на некоторых.

Вопрос первый: чем, в действительности, была перестройка?

Вопреки взглядам, доминирующим в экспертном сообществе, я убежден, что перестройка была целеустремленной попыткой глубокого социального прорыва, имевшего целью создать новую модель общества, построенную на принципах демократии и социальной справедливости. При всех допущенных в то время ошибках эта попытка отложила глубочайший отпечаток на все последующее развитие нашей страны.

Описание реформ, осуществленных в годы перестройки, потребовало бы слишком большого времени. В данной связи достаточно указать на то, что, хотя обновление страны, принятое в ходе перестройки, оказалось более сложным, чем это казалось вначале, за ее недолгий срок в стране произошли серьезные позитивные перемены.

– Был положен конец длившейся многие десятилетия «холодной войне», заключены важные соглашения, предусматривавшие сокращение наиболее опасных видов вооружений, нормализованы отношения с большинством крупных, экономически развитых стран. Советский Союз открылся миру, отказался от вмешательства в чужие дела. Народы союзных с ним государств, в которых назревали острые кризисные процессы, получили реальную свободу выбора. В рамках проводимой политики была сравнительно безболезненно решена застарелая, чреватая взрывчатыми последствиями проблема

воссоединения Германии, выведены советские вооруженные силы из Афганистана.

– С общества был снят давивший его «намордник». Оно раскрепостилось духовно и политически. Был осуществлен прорыв на пути демократических преобразований, заложены основы нормальной политической системы, предполагающей разделение представительной, исполнительной и судебной властей, многопартийность и проведение свободных выборов на альтернативной основе. Законодательно закреплены свобода печати и совести, отменены ограничения на зарубежные поездки, высшим принципом провозглашены права человека.

– Началось движение к многоукладной экономике. Были созданы предпосылки для развертывания экономической активности: узаконена экономическая свобода производителей, ослаблены барьеры во внешнеторговой монополии, разрешено создание смешанных предприятий с участием иностранного капитала, начато внедрение рыночных принципов на принадлежащих государству крупных заводах, приняты меры по стимулированию кооперативов, мелких и средних предприятий.

Сделано было, разумеется, далеко не все из того, что требовала жизнь. Однако было положено позитивное начало процессу демократизации и модернизации общества, определено направление дальнейшего развития.

Вопрос второй: какой была, в действительности, судьба перестройки?

Если исходить из оценки целей перестройки, приведенной выше, она потерпела неудачу. Это, разумеется, не означает, что все сделанное в годы перестройки «кануло в Лету». Так в истории не бывает. Многие перемены сохранились – несмотря на то, что против них вот уже почти пятнадцать лет упорно сражаются погубившие перестройку социальные и политические силы.

То, что поныне иногда именуют демократической революцией 1991 года, в действительности было насильственным удушением перестройки. Ее сменило то, что можно было бы назвать постперестройкой.

Перестройка предполагала глубокое реформирование существовавшей общественной системы. Постперестройка ставила

целью ее полное уничтожение. Перестройка была ориентирована на эволюционный путь развития страны. Постперестройка – на экстремистские методы преобразований.

Движущим стимулом перестройки было стремление к достижению всеобщего блага на базе социальной справедливости. Постперестройка была рассчитана на блага для немногих – не обремененных «излишней моралью», хватких, деловых и бесцеремонных.

Экономическая программа перестройки предполагала развитие народного хозяйства на базе множественности форм собственности: кооперативной, частной, муниципальной, государственной. В рамках постперестройки был принят курс на установление монополии частной собственности на природные ресурсы и средства производства. В результате сложилась нынешняя, уродливая экономическая система, при которой основные богатства страны сосредоточены в руках высшей бюрократии, с одной стороны, и крупнейших финансово-промышленных олигархов, с другой.

Перестройка была направлена на демократическую реформу, то есть на реальную демократизацию всех общественных отношений, в том числе политической системы. Для постперестройки демократия оставалась лишь ширмой, позволявшей замаскировать презрение к простому народу, необходимой лишь в той мере, в какой помогала удерживать власть и сохранить образ режима, приемлемый для столь высоко ценимых западных партнеров.

Перестройка предполагала сохранение Советского Союза, как обновленного содружества свободных союзных республик. Постперестройке была свойственна откровенная враждебность СССР, который рассматривался как отжившая свой век империя, разрушение которой – благо для входящих в нее народов. Отсюда осознанные действия, направленные на осуществление этой цели.

Целью перестройки было создание условий, обеспечивающих преодоление жесткого противостояния страны другим развитым государствам и ее вхождение в мировое сообщество на правах влиятельного, равноправного партнера. Постпере-

стройка отводила стране роль сателлита «западного мира», подбирающего крохи со стола хозяев.

Первоначально перемены, сопровождавшие удушение перестройки, были восприняты большинством граждан как более решительный курс на ее продолжение. Это впечатление, паразитируя на распространенных настроениях, подпитывали на первых порах и новые власти. В действительности речь шла не о продолжении, а о «перестройке перестройки». Но эта горькая правда стала очевидной лишь впоследствии. К сожалению, истинное место исторического события проявляется лишь со временем.

Сейчас практически все признают, что 1990-е годы – период господства душителей перестройки – были временем разрушений. Распад СССР положил начало долговременному изменению мирового и регионального балансов сил. Россия перестала быть одним из столпов, на которых зиждилось пусть не очень устойчивое, но, тем не менее, сравнительно продолжительное равновесие. Для нее распад СССР обернулся резким сокращением международного политического потенциала и, соответственно, способности отстаивать свои внешнеполитические интересы.

Среди конкретных геополитических потерь политики постперестроечных сил можно, в первую очередь, указать на приближение государственных границ к жизненным центрам России; разрушение налаженной системы национальной обороны и связанную с этим необходимость дорогостоящих усилий по ее восстановлению и обустройству новых границ; на сокращение запасов природных ископаемых, отошедших за рубеж вместе с получившими независимость республиками, на негативные внутристрановые географические сдвиги, в результате которых заметно возрос удельный вес мало населенных и плохо освоенных территорий, а также на резкое обострение и так сильно выраженного в России контраста между центром и периферией, между двумя столичными городами и прочими частями страны.

Горькие плоды принесла проводившаяся в 1990-е годы политика деиндустриализации. До сих пор России не удалось выйти на уровень производства, достигнутый к 1980-м годам про-

шлого века. Страна скатывается на положение сырьевого придатка экономически развитого мира. Отрасли, не связанные с добычей сырья и первым переделом, хиреют. Их технология и машинный парк крайне устарели и требуют срочной замены. Транспортная и промышленная инфраструктуры пребывают в состоянии упадка. В широких масштабах продолжают безнаказанное разворовывание направляемых в экономику средств, демонстративный уход крупного бизнеса от налогообложения и массовый отток за рубеж капиталов.

Неисчислимы и социальные потери населения.

Разрушение прежней системы здравоохранения привело к резкому увеличению заболеваемости и смертности. Естественная убыль населения привела страну на край демографической катастрофы. Бессмысленные манипуляции с системой образования стали причиной заметного падения образовательного уровня населения страны, а, следовательно, к потере ее величайшего богатства – высокого интеллектуального потенциала. Сознательно форсируемая социальная дифференциация общества достигла уровня, немыслимого для цивилизованного государства. Бедность приобрела такие масштабы, что борьба с ней официально провозглашена первостепенной задачей, для решения которой потребуются многие годы.

Уровень жизни населения, и так невысокий в прошлом, стал одним из самых низких в Европе. Инфляция то и дело съедает активно рекламируемые «прибавки». Манипуляции с налогообложением и скромными льготами наименее имущей части граждан, оборачиваются для них дополнительными потерями. Массовая нищета провоцирует моральное разложение, одно из следствий которого – беспрецедентный взлет преступности.

Оправданы ли понесенные потери с точки зрения перспективы? Создали ли они предпосылки для обещанного рывка вперед? Будущее, как известно, покрыто туманом. Тем не менее, пока нет оснований для его оптимистической оценки.

Есть ряд более частных вопросов, заслуживающих тщательного рассмотрения. Один из наиболее важных в их числе – неоднозначная роль интеллигенции на различных этапах перестройки.

Поддержав перестройку, она практически получила все то, к чему стремилась в ее преддверии: прекращение пренебрежительного отношения к умственному труду, становление демократических институтов и процедур, возможность активного участия в политической жизни общества, свободу творчества, беспрепятственную возможность выезда за пределы страны и поддержания деловых и личных контактов за рубежом.

Для наиболее амбициозных и политически активных интеллектуалов открылись беспрецедентные возможности карьерного взлета. Средней руки адвокаты, пользуясь профессиональным умением «говорить красиво», превращались в публичных политических деятелей высшего эшелона. Начинаящие публицисты и рядовые телерепортеры стали восприниматься обществом как светочи истины, своего рода идеологические «гуру» – со всеми вытекающими из этого последствиями. Сотрудники научно-исследовательских институтов, не очень знакомые с реальными проблемами общества и не имевшие опыта руководства людьми, становились заместителями министров, министрами, а иногда и вице-премьерами. Все они охотно именовали себя прорабами перестройки, соревнуясь за право претендовать на непосредственное участие в подготовке популярных решений.

Однако по мере углубления перестройки и нарастания связанных с этим противоречий влиятельные группы интеллектуалов начали проявлять по отношению к ней сначала сдержанность, а затем и враждебность. Действия руководства страны стали мишенью нападок, а команда, осуществлявшая перестройку, подверглась поношениям – одно другого хлеще. Для дискредитации политики перестройки в массах широко использовалась обретенная – благодаря ей – свобода слова и печати.

Внешне главной причиной недовольства выступали замедленные, с точки зрения критиков, темпы проведения перестройки, осторожность, проявляемая руководством при решении вопросов, затрагивавших жизненные интересы граждан, взвешенная оценка им пределов возможного и вытекавшая из нее склонность к компромиссам с силами, отстаивавшими

старые порядки. Отсюда главная направленность исходившего из этих кругов требования: *скорее, энергичнее, радикальней*. Было бы неверным отрицать, что в критических требованиях, названных выше, содержалось и рациональное начало. В чем-то они были даже полезны, ибо помогали руководству перестройкой преодолевать сопротивление консервативной части управленческого аппарата. И многие из тех, кто поддерживал эти требования, руководствовались самыми искренними побуждениями.

Однако в целом позиция, с которой с этой стороны велись атаки на перестройку, была деструктивной. Дело не только в том, что организаторы этих атак игнорировали реальную ситуацию, объективные ограничители, с которыми нельзя было не считаться. Как показал последующий ход событий, в основе их позиции лежало вовсе не стремление ускорить начатый процесс преобразований, придать ему большую эффективность, уберечь от ошибок и извращений. Речь шла о совсем другом. О намерении противопоставить политике перестройки принципиально иную ценностную модель, представлявшую собой кальку с общественных отношений раннего капитализма, давно отвергнутых и преодоленных в экономически развитых странах.

Глубинные причины эволюции части первоначальных сторонников перестройки – интеллигентов, ставших ее радикальными критиками, выявлены пока не в полной мере. Однако некоторые из них очевидны.

Это – нетерпение и радикальность, порожденные негативным опытом прошедших десятилетий, совокупность личностных обид, стимулировавших стремление «разнести вдребезги» все связанное с прошлым, невзирая на последствия подобных действий.

Это – обусловленное длительной изоляцией плохое, преимущественно книжное знание реалий зарубежного образа жизни, особенностей тамошнего социального устройства и свойственных ему противоречий.

Это – влияние корпоративистских настроений, ориентированных не на общее благо, как у интеллигенции в прошлом, а

исключительно на потребности своего слоя, и получивших широкое распространение в процессе превращения интеллигенции в массовую социальную группу.

Как известно, спустя несколько лет позиция в отношении перестройки, занятая многими представителями интеллигенции, обернулась для ее большинства катастрофой, тяжелые последствия которой ощущаются и ныне.

Если суммировать сказанное выше, общий вывод будет однозначным. Российское общество получило в 1980-е годы минувшего века исключительный шанс выйти на путь всестороннего обновления, отвечающего интересам всех его членов, без бессмысленных потерь и потрясений. Для его реализации имелись необходимые предпосылки: материальная база, общественная атмосфера, возможность опереться на институты государственной власти. Однако шанс использован не был. И вина за это – естественно, в разной степени – лежит на всех: и тех, кто делал, и тех, кто не делал, и тех, кто целеустремленно мешал делать.

Разумеется, то, что произошло, *свершилось*, и всякого рода «если» не имеют смысла. Упущенные шансы вернуть невозможно, как нельзя возвратиться в прошлое, даже если бы захотелось.

Сегодняшняя Россия не похожа на ту, которая была накануне и в годы перестройки. Другим стало общество. Другими – многие терзающие его проблемы. И, тем не менее, перестройка, естественно, в обновленной форме, не только прошлое, но и настоящее и, скорее всего, будущее нашего общества.

Как совокупность практических действий перестройка потерпела поражение. Вместе с тем, она открыла человечеству новые возможности развития и стала, тем самым, неотъемлемой составной частью его истории.

Годы перестройки не испарились. Они отложили глубокий отпечаток на общественное сознание. Ее опыт стал неотъемлемой частью этого сознания, как представление о реальной альтернативе и казарменно-административной карикатуре на социализм, и бюрократическо-олигархическому капитализму,

утвердившемуся в результате постперестройки. Такая альтернатива крайне необходима современной России – пусть даже пока в виртуальной форме.

ДВЕ ИСТОРИЧЕСКИЕ ТЕНДЕНЦИИ

Славин Борис Федорович,

д-р филос. наук, профессор Московского государственного педагогического университета

Как автор главы о перестройке в учебнике для вузов по теории и истории социализма, изданном в 1989 году, хочу отметить, что с тех пор интерес к перестройке не только не исчез, а, напротив, он нарастает с каждым новым витком истории. Сегодня этот интерес особенно высок, так как люди сравнивают то, что было в те годы, и то, что есть сейчас. Как правило, это сравнение не в пользу современности: буржуазно-авторитарное общество, в котором мы сейчас живем со всеми ее социальными противоречиями дикого олигархического капитализма, для многих хуже, чем горбачевский период перестройки, с ее стремлением к антибюрократизму, гласности и демократическим ценностям. Если абстрагироваться от резко негативных оценок деятельности Горбачева национал-патриотами и сталинистами, то те, кто еще недавно критиковал Горбачева за непоследовательность и «безрукость», сегодня перед ним извиняются. Дело в том, что многие диссиденты и демократы так называемой «первой волны» не узнали то общество, к строительству которого они призывали в конце 80-х годов.

Я, конечно, не считаю, что история делается только «сильными мира сего», которые пускают возок с горы, и либо мягко либо жестко им управляют. Считаю, что, все-таки, историю делают большие массы людей, а цари, президенты, генсеки либо поощряют их действия на восходящей стадии развития общества, либо сопротивляются им, когда их порядки одряхтели и требуют устранения.

Советская история тоже является борьбой различных социальных групп общества. Как человек левых взглядов, я уверен, что Октябрьская революция была эпохальным прорывом трудящихся масс к свободе. Она дала возможность впервые в истории низам стать у власти. Конечно, этот факт не отменил социальные противоречия и политическую борьбу, которая велась в стране и правящей партии. Особенно острой эта борьба была во время Гражданской войны. После ее окончания и смерти Ленина она обрела новые, в основном, внутрипартийные формы. Это было связано прежде всего с узурпацией власти Сталиным, что полностью противоречило воле Ленина, предлагавшего в своем завещании устранить его с поста генсека партии.

Чрезвычайно важно, что Ленин в своих последних работах предлагал демократическую версию создания и развития социализма. Сталин – придерживался иной точки зрения: его идея сверхцентрализации власти наиболее наглядно проявилась в плане автономизации как главного принципа создания СССР в отличие от ленинского принципа равенства и добровольности республик, входящих в Союз. Эти и другие политические разногласия Ленина со Сталиным (а не только «грубость» генсека) объясняют их взаимное неприятие друг другом, сложившееся на исходе жизни Ленина. Сталин фактически полностью отвергал то, что в своих последних работах завещал Ленин. Он совершенно по иному, чем вождь Октября, трактовал методы осуществления индустриализации, коллективизации и культурной революции в стране. В последнее время все больше стало появляться фактов, доказывающих, что Сталин был не только политическим и моральным палачом Ленина, но и физическим его устранителем. Почему-то наши историки на это мало обращают внимания, хотя без этих фактов невозможно понять многое в советской истории.

Как известно, после смерти Ленина Сталин, сосредоточив в своих руках «необъятную власть», сначала ликвидировал левую оппозицию во главе с Троцким, а затем и правую во главе с Бухариным. В конце 1930-х годов Сталин создает всепроникающий тоталитарный режим власти, который опирается на

новую советскую бюрократию и те социальные слои в различных классах, которые устали от революции.

Советское государство при Сталине было двойственным: с одной стороны, оно было вынуждено выражать интересы трудящихся, с другой – оно выполняло волю правящей бюрократической касты во главе с неподконтрольным никому вождем. К чему это привело на практике, знают все. Сталинский режим по существу отказался от идеалов революции и удерживался у власти только благодаря насилию и незаконным массовым репрессиям. К началу 1940-х годов в руководстве партии не осталось никого из тех, кто непосредственно делал революцию и окружал Ленина: все они были истреблены либо в ГУЛАГе, либо, как Троцкий, ударом ледоруба в голову за границей. Стоящие у истоков интернациональной РСДРП социал-демократы перевернулись бы в гробах, если бы узнали, что строительство социализма осуществляется под руководством не интернационалиста, а державника Сталина. Демократия «по-сталински» означала для сотен тысяч людей, не согласных с вождем, насильственную смерть или длительное пребывание в лагерях и тюрьмах. По данным специальной комиссии ЦК КПСС, только с 1935 по 1940 годы было арестовано по обвинению в антисоветской деятельности 1 980 635 человек, из них расстреляно 688 503. За 1937–1938 годы соответственно 1 548 366 и 681 692. Понятно, что сам факт массовых репрессий говорит о том, что сталинским порядкам сознательно или бессознательно сопротивлялись миллионы советских людей.

Двойственная природа сталинского тоталитарного режима объясняет, почему при этом режиме осуществлялись не только культ вождя «всех народов» и незаконные массовые репрессии, что, само по себе, полностью противоречит идеалам социализма, но и такие позитивные мероприятия, как ликвидация безграмотности, создание социальной инфраструктуры, развитие науки и массовой культуры, помощь отсталым национальным республикам и народам и т.д. На общий прогресс советского общества работала и индустриализация страны, хотя ее человеческая цена была слишком высока. Бюрократия, чтобы сохранять себя и свои привилегии, вынуждена была ид-

ти на меры, выражающие интересы простых людей, хотя внутренне нередко им сопротивлялась.

Пока народ чувствовал улучшения в своей жизни, власть Сталина оставалась незыблемой. Особенно она укрепилась в результате победы советского народа в Великой Отечественной войне. Она придала ему дополнительный авторитет как главнокомандующему, одновременно списав в небытие все его ошибки, сделанные накануне и в ходе этой войны.

Но тоталитарный режим Сталина не мог длиться вечно: рано или поздно он должен был пасть либо путем политической революции и возвращением к идеалам Октября, либо путем реставрации капитализма и перерождения бюрократии в новых буржуа. В 1980-х и 1990-х годах, при Горбачеве и Ельцине, мы пережили и то, и другое. Перестройка стала своеобразной попыткой в рамках социалистического выбора преодолеть тоталитаризм путем возвращения к ценностям Октября. В свою очередь, «шоковая терапия» и «ваучерная приватизация» Ельцина-Гайдара означала реставрацию капитализма, которую в свое время, как уже говорилось, предвидел Троцкий, отметив, что рано или поздно советская бюрократия, пытаясь расширить свои привилегии, разменяет власть на собственность, став тривиальной нахрапистой буржуазией. Ельцинское десятилетие, спустя пятьдесят лет, полностью подтвердило этот прогноз.

Рассмотрим сначала более конкретно те причины, которые привели в 1980-е годы к перестройке. Этих причин несколько. Их можно разделить на внешние и внутренние, на общемировые и общенациональные.

Вскоре после смерти Сталина в мире стала разворачиваться научно-техническая революция, которая во многом изменила развитие производительных сил и облик многих стран. Зашатались и стали рушиться тоталитарные режимы власти, как противоречащие общественному прогрессу. Новейшие открытия в науке и технологии требовали задействования человеческого интеллекта и свободного творчества миллионов людей, но этого нельзя было достигнуть без соответствующих демократических и политических реформ. Тоталитарные и автори-

тарные режимы противоречили такому положению вещей. В итоге возникала острая потребность их изменения.

Страны, вставшие на путь таких реформ (например, Германия, Франция, Испания и др.) быстро достигли экономических и политических преимуществ. В них резко повысились качество и уровень жизни большинства людей, что не могло не сказаться на соревновании двух главных мировых систем: капитализма и социализма. Развитые страны капиталистического мира развивались более динамично, чем страны реального социализма. Сравнение их экономик было не в пользу последних.

Особенно это можно было проследить на примере СССР, который к середине 1980-х годов стал сдавать свои некогда передовые технологические и экономические позиции. К этому времени явно затормозился рост жизненного уровня советского народа: страна слишком много тратила на гонку вооружений и слишком мало на гражданское производство.

Однако наиболее сильным тормозящим фактором в развитии СССР была старая тоталитарная система власти. Хрущевская «оттепель», надломившая тоталитаризм, оставила многие из его пороков: бюрократическая система командно-административного планирования и хозяйствования, традиционные нарушения социальной справедливости, всепроникающий идеологический диктат, цензура, отсутствие многих политических свобод и независимых СМИ. Все это и многое другое душило прогресс общества и требовало обновления.

Люди все чаще стали сознавать, что по-прежнему жить больше нельзя. Изменений хотели все основные классы и слои общества. Рабочие больше других хотели справедливости: они отвергали мораль партократии, с одной стороны, призывавшей к скромности, а с другой пользовавшийся спецраспределителями, спецполиклиниками и санаториями. Крестьяне хотели самостоятельно, без диктаторского вмешательства государства, вести свое хозяйство и пользоваться его плодами. Интеллигенция буквально задыхалась в тисках партийного идеологического контроля, отсутствия свободы слова и творчества. Эти социальные интересы и была призвана удовлетворить пе-

рестройка, провозгласившая лозунг: «Больше демократии, больше социализма!»).

Перестройка была смелой попыткой вернуть общество к тому, что завещал Ленин. Об этом можно прочитать в многочисленных работах и выступлениях Горбачева, других политических руководителей времен перестройки. Сегодня о Горбачеве ходит много мифов и сплетен, как в позитивном, так и в негативном плане. На самом деле, он был человеком своего времени: школьником писал сочинение на тему «Сталин – наша слава боевая», во времена Хрущева пропагандировал решения XX съезда партии о разоблачении «культы личности», в конце 1960-х годов как партийный руководитель исключал из партии тех, кто сочувствовал «Пражской весне», а потом, побывав в Чехословакии и пообщавшись с народом, понял, что социализм с человеческим лицом не так уж плох. Став генсеком партии, он выгодно отличался от остальных членов политбюро своей молодостью и университетским образованием, полученным в МГУ. На мой взгляд, как человек своего времени, Горбачев воплотил в себе потребность советского общества в переменах. Может быть, он был не самый лучший и самый умный среди современников, но именно он стал во главе такого громадного государства как СССР, и именно он через перестройку предпринял попытку повернуть страну к демократической модели социализма. Это требовало от него определенных знаний и мужества – качеств, которыми он обладал.

Конечно, выстроить демократическую модель социализма в рамках одной отдельно взятой страны оказалось чрезвычайно трудным, если не невозможным делом. Стратегия перестройки была проста и сложна одновременно: окончательно преодолеть отчуждение человека от труда, власти и культуры. Исходя из нее, Горбачев начал перестройку и добился в ее ходе не мало.

Исторические явления измеряются не тем, что они не дали обществу, а тем, что дали. Перестройка длилась около семи лет. Это на порядок больше, чем, например, существование Парижской коммуны. За это время перестройщикам удалось во многом реализовать идеи Ленина времен НЭПа и его по-

следних работ, полностью покончить с тоталитарной системой власти. Они подошли вплотную к созданию социально ориентированной рыночной экономики, доказав, что социализм не противоречит рынку, но и не сводится к нему, они добились свободы слова и отмены цензуры, осуществили плюрализм в политической и духовной сфере, впервые узаконили и провели альтернативные выборы, дали возможность работать оппозиции и независимым СМИ. Многое было сделано в области развития экономической демократии и самоуправления трудящихся. Последние получили возможность управлять предприятием через советы трудовых коллективов, избирать своих руководителей и т.д. Особенно много было сделано во внешней политике: отодвинута угроза мировой ракетно-ядерной войны, были ограничены испытания ядерного оружия, начался процесс разоружения великих держав, фактически прекращена «холодная война».

Конечно, многое еще предстояло сделать в плане модернизации экономики и улучшения жизни людей, совершенствования политической и духовной жизни. Не обошлось и без ошибок, связанных с неверной финансовой политикой, приведшей к инфляции рубля, была отодвинута в сторону важнейшая проблема ускорения научно-технического прогресса, явно запаздывала партийная реформа, предполагавшая организационное выделение из КПСС различных политических платформ и течений.

На мой взгляд, срыв или прекращение перестройки произошло потому, что КПСС в целом как правящая политическая партия, во многом представляющая собой организационный, политический и идейный стержень общества, оказалась не на высоте тех исторических задач, которые надо было решать, отвечая на вызовы времени и реализуя стратегию обновления общества. Ошибка Горбачева состояла в том, что он не смог вовремя изменить тот бюрократический партаппарат, который оказывал значительное сопротивление обновленческим процессам. Именно этот аппарат поддержал ГКЧП во время августовского путча.

Были и другие, не менее значимые ошибки, например, связанные с недооценкой неолиберальных сил в обществе. Имен-

но эти силы, воспользовавшись процессами либерализации экономики и демократизации, поворачивали страну в противоположную сторону от социалистического выбора. В конечном итоге их социальной базой оказались партийная и хозяйственная бюрократия, стремившаяся разменять власть на собственность, теневой капитал, смыкавшийся с криминальными и разного рода маргинальными элементами общества. Именно эти элементы провозгласили лозунг: «Хватит социалистических экспериментов, пора переходить к капитализму!»

Есть определенный закон социального реформирования: обновление в политической и духовной сферах всегда должны подкрепляться «материально». Если этого не происходит, у населения начинает исчезать вера в реформы. В итоге процесс обновления начинает пробуксовывать. Это и происходило в последний период перестройки.

В результате ошибок руководства страны и сопротивления антиперестроечных сил справа и слева в начале 1990-х годов возникли значительные экономические, социальные и финансовые трудности, которые оттолкнули от перестройки различные слои общества. В этой связи Горбачев вспоминает любопытный и весьма характерный эпизод. Когда в стране в результате повышения зарплат и пенсий обнаружился дефицит товаров, Слюньков предложил взять часть денежных средств из военного сектора и закупить на них товары широкого потребления. Тем самым была бы оказана существенная поддержка населению и реформам. Однако Рыжков это предложение отклонил, а Горбачев не поддержал Слюнькова. В результате началось повышение цен, выросла инфляция, возник кризис потребления: знаменитые пустые полки в магазинах. Это было начало конца. Народ разочаровался в перестройке. В результате перестройки лишились своей массовой социальной поддержки. Недовольные материальными трудностями, многие люди, включая интеллигенцию, стали переходить на сторону противников перестройки, пополняя радикальные течения справа и слева.

Тем не менее, многие ошибки можно было исправить в условиях нормального протекания политического процесса. Но

этих условий не было: перестройку прервал августовский путч 1991 года, который был организован консервативно настроенной партийно-хозяйственной номенклатурой, видевшей в продолжении перестройки угрозу собственному существованию.

За три дня путча проявились все основные политические силы общества: сторонники перестройки, консерваторы и неолибералы, называвшие себя «радикальными демократами». Первые отстаивали линию на превращение государственного социализма в демократический, вторые – требовали возврата к доперестроечным временам, третьи выступали за переход от социализма к капитализму. В сентябре 1991 года я написал статью в «Правду» об августовском путче под названием «Три поворота истории за три дня», которая долго лежала в портфеле редакции. В ней говорилось о том, что в первый день путча доминировали консерваторы. Они создали ГКЧП и изолировали президента страны в Форосе. На второй день против них выступили демократические силы, включая сторонников перестройки и «радикальных демократов». Они вызвали из форосского плена Михаила Горбачева и арестовали инициаторов путча. В итоге, на волне массового сопротивления путчистам к власти пришли «радикальные демократы» во главе с Борисом Ельциным.

И хотя формально президент Союза после Фороса пытался вернуть себе потерянную во время путча власть, соотношение сил в стране сложилось не в его пользу, то есть не в пользу сторонников перестройки. Это подтверждается, в частности, тем, что Горбачеву так и не удалось решить важнейшую цель перестройки – создать новый обновленный Союз. В свою очередь, его политические противники сделали все, чтобы полностью устранить его от власти путем упразднения прежнего Союза. Это и произошло в знаменитой Беловежской пуще, когда три президента от имени России, Белоруссии и Украины распустили СССР. Метя в Горбачева, они попали в Союз, упразднение которого стало настоящей трагедией для миллионов советских людей.

Таким образом, в результате действий двух противоположных политических сил – консерваторов и неолибералов – об-

щество было разорвано: сторонники перестройки оказались в изоляции — наступил конец перестройки как социально-исторического явления. Характерно, что представители консерваторов и неолибералов солидарно проголосовали в российском парламенте за ратификацию Беловежских соглашений. Во время этого голосования политический разум явно ушел из страны, оставив место только для неразумения. Его плачевные итоги мы переживаем до сих пор.

С исчезновением Союза и утверждением у власти в России неолибералов во главе с Борисом Ельциным начался новый виток истории, означавший ликвидацию социалистического выбора и реставрацию капиталистических отношений, принесших народу давно изжитые историей социальное неравенство, экономические бедствия и нищету. Эта новая парадигма истории является прямой противоположностью того, чего хотели и к чему стремились перестройщики. Попытки сблизить перестройку и постперестройку являются либо следствием невежества, либо прямой социальной и идейной ангажированности.

Историческое значение перестройки и ее уроки пока полностью не осмыслены и не оценены. На многие вопросы пока нет однозначных ответов. Например, почему не реализовалась первая в мире демократическая модель социализма, которую предлагала перестройка? Почему 70 лет спустя после Октябрьской революции произошел исторический откат к капитализму? Почему Горбачеву не удалось реализовать в целом прогрессивную стратегию перехода от тоталитаризма к демократии? Может быть правы троцкисты, считающие невозможным построение социализма в отдельно взятой стране? Эти и другие вопросы требуют глубоких научных ответов.

Есть мнение, что реставрация капитализма в 1991 году у нас произошла потому, что Октябрьская революция была преждевременным событием: за короткий промежуток времени с 1861 по 1917 годы не успели сложиться материальные предпосылки социализма. На мой взгляд эта несвойшая интерпретация известной точки зрения меньшевиков не выдерживает критики: революции не зависят от мнения тех или иных

идеологов. Но даже если допустить правильность этого довода, то за годы советской власти данные предпосылки были созданы, и страна в экономическом отношении вышла на второе место в мире. По моему мнению, реставрация капитализма у нас произошла потому, что СССР не сумел вовремя освоить результаты научно-технической революции и, как следствие, стал отставать от развитых стран Запада. Что касается перестройки, то она явно недооценила эту ключевую проблему. Был здесь и элемент самоуверенности руководства правящей партии, которая в течение длительного времени оставляла данную проблему «на потом». Оно не понимало, что социализм в одной стране может существовать только как переходное общество, вынужденное постоянно одерживать победу в технологическом и экономическом соревновании с миром капитала. Ленинский вопрос «кто кого?» остается актуальным до тех пор, пока остается капиталистическое окружение социалистической страны.

Есть еще один момент — личностный, который нельзя сбрасывать со счетов, когда мы осмысливаем результаты перестройки. Я думаю, что за реализацию стратегии перестройки надо было бороться до конца и более решительными методами, чем это делал Горбачев. Нельзя было спускать и прощать тех, кто распустил Союз. Не случайно Ельцин после Беловежья боялся ареста: «знала кошка, чье мясо съела!» Здесь нужно было использовать самые решительные меры, вплоть до обращения к армии и народу. Основания для этих мер давал общесоюзный референдум. На мой взгляд, народ бы эти меры поддержал, и никакой гражданской войны не произошло бы.

Исторический урок перестройки состоит не столько в том, что она была сорвана, а в том, какое позитивное наследие она оставила будущим поколениям. На мой взгляд, перестройка доказала главное — социализм с человеческим лицом не только возможен, но и необходим. Я уверен, то, что было не доделано перестройкой, рано или поздно будет востребовано Россией и человечеством. Иначе нет смысла жить. Принять ту парадигму, которую нам предлагает нынешняя власть радикальных

неолибералов, значит «повернуться спиной» к страданиям миллионов простых людей, которые продолжают держать на своих плечах весь мир.

«ТВОРЧЕСТВО ВТОРОГО УРОВНЯ»

*Журавлев Валерий Васильевич,
д-р ист. наук, проф., зав. кафедрой Московского
государственного областного университета*

Двадцать лет минуло с тех весенних дней 1985 года, когда мы услышали первые, захватывающие дух, декларации молодого Генсека М.С.Горбачева. Привыкшие к казенным выступлениям «по бумажке» череды косноязычных старцев, мы с удовольствием воспринимали плавную, по южному мягкую и доверительную речь Михаила Сергеевича. Настолько доверительную, что нас подчас завораживала сама ее музыка, а смысл как бы оставался «за кадром». Так, прошло мимо внимания заявление о том, что СССР уже в ближайшие годы по уровню производительности труда должен (в смысле – обязан) выйти на первое место в мире. А между тем уже одно оно свидетельствовало, что новый лидер неопытен, «парит в облаках», готов воспроизводить самые нереальные подсказки своих консультантов и спичрайтеров – неважных стратегов, но хороших психологов, достаточно быстро разобравшихся в том, что требуется для того, чтобы шеф был доволен.

При всей внешней ясности и открытости намерений, результатов и последствий горбачевских реформаторских начинаний перестройка и через двадцать лет остается одним из самых «загадочных» и неоднозначно трактуемых периодов отечественной истории. Суть главных вопросов, по сей день терзающих наших думающих современников, вне зависимости от их возрастной категории, и не находящих более или менее убедительного ответа, мы – авторы школьного учебника для 9 класса – попытались сформулировать следующим образом:

«Что представляла собой перестройка? Неумелое реформирование социализма, окончившееся распадом страны и поли-

тическим крахом реформаторов? Или же это была тщательно продуманная, и умело осуществленная акция, направленная на демонтаж исчерпавшей себя советской системы? Мы знаем, что в России есть пагубная традиция отвергать своих реформаторов: М.М.Сперанский, Александр II, П.А.Столыпин... Состоялось ли политическое убийство Горбачева или он, как японский камикадзе, пожертвовал собой ради общего блага? А может быть, это реформатор-неудачник, не дотягивавший по своим личным качествам до роли преобразователя такого масштаба, в котором нуждалась страна?

Вопросы, вопросы, вопросы... Они еще не скоро получат однозначные ответы».

К этому можно добавить и еще один вопрос, который не перестает мучить многих россиян и который в афористичной форме выразил в своем романе «Generation "П"» модный сегодня писатель авангарда Виктор Пелевин: «Стоило ли менять империю зла на банановую республику зла, которая импортирует бананы из Финляндии?»

При таком разбросе (и разброде) мнений и настроений трудно ожидать, что любые попытки, «добру и злу внимая равнодушно, не ведая ни жалости, ни гнева», выработать аналитическую, отстраненную от злобы дня и эмоционального окраса систему представлений, концепцию, объясняющую суть горбачевского эксперимента и порожденных им последствий, найдут сочувствие и понимание как у выигравших в итоге от перестройки, так и «униженных и оскорбленных» ею.

Что же касается моих личных убеждений, то я попытаюсь в тезисном виде изложить те из них, на которых продолжаю настаивать и двадцать лет спустя.

Во-первых, к середине 1980-х годов прошлого столетия серьезные преобразования всей социально-политической системы в стране объективно назрели. И перестройка была в этих условиях необходимостью, детерминированной этими непреложными обстоятельствами.

Во-вторых, советская общественная система не исчерпала своих потенций и имела неплохие шансы в плане ее реформирования как процесса эволюционного, без разрушения всего

накопленного позитива, без коллапса государственности и социального отката. Все «теоретические» изыски современных ультралибералов о фатальной неизбежности краха системы и распада государства представляют собой в их «сухом остатке» ни что иное, как причудливый гибрид самоутверждения и самооправдания.

В-третьих, в силу вышесказанного неудачи и конечный крах перестройки носят в большей степени субъективный, чем объективный характер. Не сводятся они и к ошибкам политического руководства, представляя собой лишь спровоцированную неумелым реформированием роковую дезориентацию нации в целом. Дезориентацию, в условиях которой реализация корыстных побуждений и расчетов меньшинства стала возможной в силу искренних и «благих» заблуждений абсолютного большинства.

Борис Федорович Славин уже отметил в своем выступлении, что на первых порах перестройка получила поддержку громадного большинства общества. Этот непреложный факт в тех специфических условиях свидетельствовал, однако, не столько о ее силе, сколько о слабости, демонстрируя вхождение общества в полосу временного торжества магического, а не рационального восприятия действительности. На какой-то момент возобладала вера (замешенная, кстати, на постулатах советской ментальности), что перестройка способна осчастливить «всех и сразу». Это и позволило ничтожному меньшинству – под аккомпанемент слоганов о демократии, свободе и прогрессе – сделать со страной все то, что они сделали с ней.

В-четвертых, недоступной для руководства страны осталась наука о последовательности процесса реформирования и о выборе основного звена на каждом из его этапов. Самый крупный просчет в данном случае заключался в том, что широкомасштабная политическая реформа была развернута в обстановке острого кризиса экономики и на том этапе провозглашенной «гласности», когда она уже исчерпала свою функцию «пробуждения народа правдой», но стала мощным оружием политической борьбы в руках всех антигосударственных сил.

В-пятых, были проигнорированы и данные веками нарабатанного исторического опыта отечественных реформ прошлого, которые убеждают, что оптимальным для условий страны, ментальности россиян является движение зигзагами по типу: два шага вперед, полтора шага назад и так далее. Такого рода механизм реализации нововведений в стране, хотя и замедляет ход реформирования, но вводит его в границы управляемого процесса.

При этом (если преобразования действительно нацеливаются на то, чтобы привести к обновлению системы, а не к ее разрушению) реформаторы должны опираться на несущие конструкции данной системы, совершенствуя их, максимально приближая к решению новых задач, но отнюдь не демонтируя, не меняя «коней на переправе». Вспомним, как в этой связи оценивал реформаторскую деятельность (кстати, критически в целом относясь к ней) В.О.Ключевский: «Петр взял из старой Руси государственные *силы*, верховную власть, право, сословия, а у Запада заимствовал технические *средства*... Реформа если не обновила, то взбудоражила, взволновала русскую жизнь до дна не столько своими нововведениями, сколько некоторыми приемами, не характером своим, а темпераментом... Результаты реформы были обращены более к будущему...»

«Архитекторы» перестройки и, в особенности, их «углубители» ельцинской поры искали будущее России в незавидном прошлом Запада эпохи первоначального накопления. Ставя задачу «вхождения в русло мировой цивилизации», не хотели видеть, что «русла» такого в природе не существует, что каждая страна, если она на что-то рассчитывает, должна прокладывать собственный путь в свое завтра. Оглядываясь, конечно, на мировой опыт, творчески заимствуя его (М.М.Ковалевский называл такого рода использование другого опыта творчеством второго уровня), но не слепо копируя его.

В-шестых, прискорбным – как свидетельствуют последующие события – выглядит и полное незнание и игнорирование реформаторами требований социально-психологического и ментального порядка с целью достижения адекватного восприятия массами сути, смысла, целей и задач предпринимае-

мых властью действий. А ведь реальные последствия того, **что и как** было первоначально сделано Горбачевым, а затем доведено до абсурда Ельциным, заранее и давно были просчитаны представителями отечественной общественной мысли. В первую очередь, деятелями русской эмиграции. Такими, например, как П.А.Сорокин или Ф.А.Степун.

Последний, будучи принципиальным сторонником рыночных отношений, исходил, однако, из убеждения, что они способны нормально функционировать лишь тогда, когда в обществе существует здоровый нравственный климат. Отсутствие же его является источником низкой трудовой активности, провоцируя политические потрясения в обществе. Веря в неизбежность краха большевистского эксперимента, он, вместе с тем, прозорливо предвещал многие проблемы и беды постбольшевистской России, нравственно не подготовленной к коренным социально-экономическим и политическим преобразованиям. «Малочувствительная к свободе» страна, считал он, будет обречена на то, чтобы стать ареной борьбы «Христа с антихристом» с непредсказуемым ее итогом.

Как это ни прискорбно признавать, но инициатива в определении «правил игры» в ходе нынешнего социального эксперимента над Россией все еще находится в руках «антихриста». И было бы необъективным считать, что перестройка здесь ни при чем. В той же мере, как и отрицать видимые всеми сегодня ее позитивные последствия, на которых я не буду специально останавливаться, ввиду их очевидности.

Позитив в социальной жизни подобен чистому воздуху: люди дышат им, чаще всего не замечая этого.

«ГОВОРИТЬ ОБ ИТОГАХ РАНО»

*Маслов Дмитрий Владимирович,
д-р ист. наук, профессор Московского государственного
индустриального университета*

Обсуждая итоги перестройки, ведущий нашего «круглого стола» предложил сосредоточиться на вопросах власти и соб-

ственности. Но как только мы предпринимаем такую попытку, то неизбежно сталкиваемся с трудностями методологического порядка. Взять хотя бы тему власти. Анализ эволюции данного института в период перестройки побуждает определиться и по вопросам природы советской власти (тоталитарная или авторитарная), сущности политического курса самого М.С.Горбачева, специфике постсоветской политической системы.

То же самое наблюдается и в вопросах собственности. Каковы были изначально экономические планы Горбачева? Планировал ли он менять общественную (государственную) собственность на рыночную, и т.д.? Поэтому представляется, что без прояснения позиций по «проклятым» вопросам трудно будет добиться продвижения и в понимании конкретики.

Создается впечатление, что концептуальная составляющая в осмыслении перестройки достигла состояния пресыщения. Середина 1990-х годов – ситуация концептуального бума. Очень много появилось концепций, разнообразных подходов, даже перечислить их практически невозможно. Между тем, теоретическая и методологическая природа этих концепций вызывает вопросы. Изменилось ли что-нибудь спустя двадцать лет с начала перестройки? Насколько показательны в этом плане проведенные юбилейные мероприятия? Мне удалось участвовать в различных дискуссиях с весьма разнородным составом аудитории. Поэтому нижеследующие наблюдения могут претендовать на некоторую показательность.

Главный вывод, напрашивающийся в качестве итога проведенных акций, – отсутствие единства и в среде специалистов, и у политиков, и в общественном мнении даже по базовым вопросам. Историки и политологи сходятся, по большому счету, только в двух вопросах.

Первый: перестройка рассматривается как крупнейшее событие отечественной и мировой истории XX века.

Второй: перестройка была обусловлена объективными причинами и субъективными факторами.

В остальном же консенсуса в обозримом будущем ждать не приходится. Но это и не удивительно. Особенно если учесть, что не менее острые дискуссии идут и по более отдаленным во

времени событиям (Великая Отечественная война, 1917 год и т.д.)

Наиболее острые дискуссии вызывают вопросы сущности и результатов перестройки. Конечно, сложно говорить о таких вещах в обществе, которое до сих пор не «договорилось» и по более ранним обстоятельствам своей истории.

Приходится сталкиваться с мнением, что говорить об итогах рано (20 лет всего!), но говорить об этом будут, потому что общество подталкивает к этому политиков и ученых. Это значит, что ответ на данный вопрос имеет прямое отношение и к перспективам современной России.

Есть два подхода к этой проблеме. Результат перестройки можно оценивать в координатах сегодняшнего дня, и вероятно результат перспективный, о котором мы можем сегодня только догадываться.

Подход сиюминутный неизбежно будет дифференцироваться, поскольку крайне дифференцировано само российское общество. Немалая его часть недовольна результатами перестройки. При этом смешиваются перестроечный и постперестроечный периоды, хотя качественные различия между этими периодами всё же имеются. Сейчас многое зависит от того, куда дальше вырвет Россия. Если эта дифференциация сохранится и усилится, то оценка перестройки будет негативной.

Есть еще один момент, о котором пока не было сказано. Это вопрос о перспективе отдаленной. Что мы сегодня говорим, к примеру, об Османской империи? Она была, ее не стало. Не получится ли так и с Советским Союзом, о распаде которого и я, и многие присутствующие здесь, искренно сожалеют? Может быть, в конце концов, и это событие станет почти статистическим фактом (в отдаленной перспективе).

Здесь прозвучала мысль, что рассматривать перестройку в контексте отечественной истории непродуктивно. Мне кажется – наоборот, нельзя оценивать перестройку в ином контексте. Во-первых, до сих пор неясно, от какой советской системы мы ушли, и что было к 1985 году: типичная формула «застой» уже не удовлетворяет и самых нерадивых студентов. Сама перестройка шла через борьбу с элементами советской

истории, через фактическое отрицание последней. Достаточно вспомнить, какая нешуточная велась атака на «сталинистов». От огульной критики Сталина перешли к тогда еще «святому» Ленину, и это поколебало основы системы. Т.е. история сама была частью политики и перестроечного процесса.

Конечно, Ельцин делал не то, что хотел Горбачев, и «водораздел» 1991 года очевиден. Но в то же время – это был непрерывный процесс, и преемственность здесь неизбежна. (В этом смысле наша историческая наука еще долго не обретет покоя.)

Еще одной «проклятой» проблемой перестройки является изучение возможности реформирования советской системы и ошибок горбачевских реформаторов на этом пути.

Считается, что Горбачев довольно быстро отказался от идеи постепенных преобразований и перешел к ломке политической и экономической систем. Если рассматривать перестройку в отрыве от всей предыдущей истории, может так и показаться. По общему мнению исследователей, косыгинские реформы, попытки осуществить хозяйственную реформу были неудачны (начало 1970-х годов). Но мне кажется, сам факт быстрого отказа Горбачева от постепенных преобразований был связан именно с учетом опыта прежних (упомянутых мною) реформ. И в этом смысле я не считаю их неудачными. Советская система в 1950–1970-е годы продемонстрировала некий индекс устойчивости к всевозможным новациям. Что и не удивительно после бурных лет форсированной модернизации. Она устремилась к стабильности, и только слишком серьезные колебания перестройки сумели вывести ее из равновесия.

Еще один факт, который относят к ошибкам реформаторов в области внешней политики – неоправданное сокращение количества советских ракет по договору об РСМД. Но никто же до этого не изучил всерьез, что такое «холодная» война, в чем ее уникальность и каким должен быть выход из подобной, не имевшей аналогов в прошлом ситуации. Противоборствующие стороны активно и небезуспешно разрабатывали технологии ведения такой войны, но теперь понадобились технологии ее прекращения. Вот здесь-то и обнаружился интеллектуаль-

ный и волевой дефицит. Впечатление такое, что эту войну до сих пор изучают преимущественно в русле логики познания «классических» войн. Действительно, вся логика предшествующей новому мышлению конфронтации основывалась на том, что нужно наращивать вооружение, что обеспечит успех. Горбачев предложил другую логику. И «холодная война» в той форме, в которой она велась до 1990-х годов, закончилась. Можно спорить, продолжается она сейчас или нет, но у нее, очевидно, другие формы.

В горбачевский период приходилось решать новые проблемы, которые раньше и не дискутировались. Еще одна излюбленная тема – был ли план перестройки? Конечно, власть всегда в ответе за иницилируемые ею начинания. Но и общество оказалось готово к ним в основном лишь на уровне эмоций. В архиве Горбачев-Фонда я обнаружил любопытный документ. Горбачев в узком кругу советников и помощников дал выход негодованию: «Чего критиковать, у меня чемодан критики, а где новые идеи?!»

Так можно ли сегодня подступить к решению принципиальных вопросов перестройки и что для этого желательно сделать в первую очередь? Закончу предложением, которое витает в воздухе исторической науки: обобщить историографию перестройки (адресую, прежде всего, себе), потому что написано очень много, в основном работы эмпирического характера, но обобщения пока нет.

Следующая проблема – источниковедческого характера. В теоретическом плане она оказалась практически незатронутой, хотя специфика источников по современной истории очевидна.

Третья проблема касается теории и методологии исследования перестройки, которые тоже нуждаются в освещении.

РАСТЕРЯВШИЕСЯ КОНФОРМИСТЫ

*Загладин Никита Вадимович,
д-р ист. наук, проф., зав. Центром сравнительных
социально-экономических
и социально-политических исследований ИМЭМО РАН*

Тут отмечалось, что авторы учебной литературы более скованы в своих суждениях, чем чисто академические исследователи. Это действительно так, но, может быть, в этом есть и сильная сторона. Например, сегодня основательно и фундаментально анализировались ошибки Горбачева как лидера эпохи перестройки. Однако основная задача учебного процесса – воспитание патриотизма. А у нашей науки порой получается так, что все лидеры страны на протяжении двадцатого века, начиная с Николая II, совершали сплошные ошибки, нет ни одной позитивной светлой фигуры, которая не подвергалась бы жесточайшей критики (за исключением В.В.Путина, хотя и он уже начинает становиться объектом критики).

Что же будет думать молодежь, читая учебники, построенные на таких оценках? Примерно следующее: зачем же жить в «этой стране», и чего в ней можно добиться, если все лидеры ее, мягко говоря, умственно неполноценны, все время чего-то не предусматривают, куда-то не туда ее ведут? Не лучше ли готовить себя к эмиграции в Канаду, Австралию или куда-то еще. И готовятся, и уезжают. Причем не худшие, а лучшие, которые могли бы работать в России. Поэтому, с точки зрения учебного процесса и воспитания молодого поколения, абсолютно нецелесообразно акцентировать внимание только на том, какие совершались ошибки. Ошибки, бесспорно, были. Но надо объяснять, чем они были порождены, отходя от примитивного поиска «виноватых», а также выделять достижения, соответствующие тому или иному периоду.

Возвращаясь к периоду перестройки, надо смотреть конкретно на лидерские качества М.С.Горбачева и его окружения.

Как правильно говорилось, М.С.Горбачев – продукт своей эпохи, действовал при том состоянии общества, которое у нас

существовало. Говорят – мешала бюрократия, правая и левая оппозиция. Но забывают при этом, что бюрократия отнюдь не была единым слоем. Работники идеологического сектора и руководители хозяйственного, промышленного сектора, участвующие в процессе распределения ресурсов имели разные взгляды и разную степень влияния. Был раскол внутри бюрократии, причем совершенно очевидный.

Важнейшим качеством общества у нас был конформизм, воспитанный за 70 лет, причем не только идеологическими средствами, но и репрессиями, т.е. изгнанием и искоренением людей, которые мыслили самостоятельно. Отсюда – конформистская волна поддержки М.С.Горбачева. Когда возникло несколько центров идейного притяжения, «растерявшиеся» конформисты не знали уже, куда им метнуться, на каком поле проявлять свой конформизм. Средства массовой информации тоже не были едины, они утратили прежние четкие идеологические установки, их легко было перетянуть на ту или иную сторону. Конформизм и отсутствие четкой политической социализации личности проявляются и сейчас. И это фактор, который исключал в то время, затрудняет и сейчас, поворот к социально ориентированной политике.

Опыт зарубежных стран говорит, что социально ориентированная рыночная экономика возникает только там, где есть сильное самостоятельное профсоюзное движение, которое знает, чего оно хочет, где есть достаточно сильная социал-демократическая или какая-то другая левая партия. И независимые профсоюзы, и партии должны быть активны. У нас же есть только забастовки в виде голодовок, когда люди хотят нанести себе ущерб, в надежде, что «добро» государство придет им на помощь, усомнится, или усомнятся предприниматели. Где тут сознательность? Если использовать марксистскую терминологию, то классового сознания у нас не было и нет. А без него никакого социально ориентированного развития быть в принципе не может. Поэтому идея такого развития, которая преобладала у М.С.Горбачева, порой упоминалась Б.Н.Ельциным, после перехода к рыночной экономике была обречена, реализовать ее было невозможно. Другой вопрос –

люди, которые об этой идее говорили, не задумывались о причинах, по которым она утопична. Потому что опять-таки были продуктами определенного общества. И вменять им это в вину, вероятно, нет никаких оснований. Здесь надо анализировать ту реальность, от которой они отталкивались – т.е. какова была исходная ситуация, как она развивалась, как был утрачен контроль над событиями, что привело, в конечном итоге, к кризису и завершению этого пути развития.

Как автор учебника я склонен находить в деятельности каждого лидера, в том числе и в спорных фигурах, позитивные моменты. Тут, к сожалению, наша дискуссия, мало чем может мне быть полезной. Но нет позитива без негатива. Скажем, вышли из холодной войны – позитив. Вышли со слишком большими издержками, много уступили – по-моему, здесь, с этим тоже никто не спорит.

Старую систему не удалось реформировать. Кстати, спорный вопрос, можно ли было ее вообще как-то реформировать, учитывая неудачные попытки преобразований при Косыгине, Хрущеве и Сталине (когда впоследствии репрессированный Вознесенский был в фаворе). Кстати, нельзя сказать, что они не давали ничего. Краткосрочная отдача была, это доказывается статистическими данными, а вот долгосрочная – нет. Слишком быстро все выдыхалось. Фактически при Брежневле наша экономика функционировала не как централизованно управляемая, а как экономика, являющаяся гибридом планирования и черного рынка, компенсирующего дыры в централизованном управлении. Доля «теневой экономики» точно неизвестна, у экономистов разные оценки, но не меньше чем 30–40 процентов официально существовавшей в 1970-е годы. Это неучтенные ресурсы и фонды, которые перемещались между предприятиями, на основе бартера. Фактически функционировал рынок и уже существовал не просто слой управленцев, а управленцев-собственников, которые черный рынок и контролировали. Уже сложилась прослойка очень богатых людей. И когда реформа, начатая при Горбачеве, дала жизнь кооперативам, это не создало новую олигархию, а просто выбросило «теневую экономику» на поверхность. Это было полнейшей

неожиданностью для руководителей страны. Судя по воспоминаниям наших олигархов, которые опубликованы, они именно в это время «выходили», формировали свои капиталы, но это был не 1991 год, а раньше.

Основа общества уже стала другой. И то, что произошло потом – было не более чем легализацией и формализацией тех структур, что возникли раньше. Но не Горбачев их создал, они сформировались задолго до него, при Брежнев, если не раньше, потому что есть некоторые исследования, авторы которых доказывают, что это было и при Сталине, а в 1920-е годы вообще процветало. То есть все время теневая структура влияла на экономику. Но политическое влияние теневики в руководстве союзных республик и областей приобрели только при Брежнев.

Нельзя упрекать Горбачева в том, за что он не отвечает. Это, видимо, недостатки самой системы, которая у нас существовала. И, конечно, социализма в нашей стране никогда не было. Были лишь социально ориентированная направленность политики, сильно и ярко выраженная, но все-таки в целом это была мобилизационно-модернизационная модель развития, решавшая те задачи, которые на Западе были реализованы при капитализме, но иными методами. То есть это был параллельный капиталистическому, антикапиталистический путь модернизации. Осуществить ее в России капитализм не сумел.

Такая мобилизационно-модернизационная модель развития существовала во многих странах. (Под модернизацией понимается переход от традиционного общества к индустриальному.)

Как такового социализма не было, и, может, и не могло быть. Но тут я сейчас повторю Каутского, который считал, что социализм – это утопия, потому что на практике он нигде не проверен. Единственно, что проверено – это что-то близкое к шведской модели – смешанная экономика, социально ориентированная рыночная экономика, сильная социал-демократия, сильные левые партии, которые не дают ущемлять интересы масс.

Китайская модель – особая вещь, потому что Китай по-прежнему продолжает идти по модели мобилизационно-модернизационного развития, имплантировав в него элементы рынка. Не могу согласиться с тем, что мы могли бы повторить

путь Китая. У Китая был гигантский ресурс в виде сотен миллионов крестьян, которых надо было только чуть-чуть заинтересовать в результатах своего труда, чтобы начать получать с этого огромные дивиденды. Китайский крестьянин мог бы строить и конфуцианство, если бы ему это посоветовали сверху. Китайцы не повторили ошибки Сталина – не свернули НЭП, а продолжили эту линию и усилили, и за счет этого сейчас осуществляют то, что мы делали в годы первых пятилетних планов, только другими методами. У нас же ко времени начала перестройки многомиллионного крестьянства уже не было – в деревне сохранились лишь его жалкие остатки.

Наше общество всегда было конформистским в социальном плане и слабо структурированным. Это основа наших архетипов восприятия реальности массами. Это не исключает того, что отдельные представители интеллигенции и бюрократии осознавали свои интересы, объективно отличные от стремлений масс и предпринимали соответствующие действия в их защиту.

Определенная последовательность, между действиями Горбачева и Ельцина, конечно, прослеживается, хотя с учетом глубинного экономического вектора развития, преемственность эта более глубокая, начинается с брежневского периода. Но все-таки мне представляется, что эти два периода четко разорваны. Произошел и политический переворот, и политическая революция, исчезло такое государство, как СССР. Если мы говорим, что период Горбачева и Ельцина – это одно и то же – это неверно, потому что они руководили разными странами.

В социальном отношении – завершение формирования слоя новой олигархии (полный ее выход из тени) – это период Ельцина. Их прорыв к политической власти – тоже его заслуга. Если образно выразиться, можно сказать так: Горбачев расчистил строительную площадку, уничтожив старое государство (можно сказать, что его надо пожалеть, можно – что все равно общество нельзя было реформировать – вопрос это спорный). Площадку-то он расчистил, но строили на ней уже другие – апологеты свободного рынка, рыночной экономики,

кстати, не современный, западного типа капитализм они призывали строить, а рыночную экономику, а это не одно и то же.

Команда молодых реформаторов, которая пришла к власти, стеснялась слова «капитализм» и не хотела говорить о социализме, они говорили о рыночной экономике и демократии: «мы строим современное государство такого типа, как на Западе». Но столь некритическое использование западного опыта без учета нашей социальной специфики не могло в принципе в наших условиях принести никакого результата. Честно говоря, найти позитивные моменты в деятельности Ельцина намного сложнее, чем в деятельности Горбачева (это уже с точки зрения автора учебника высказывание). Но можно отметить как позитив, что он обеспечил переход к рыночной экономике, зыбкой и неопределенной раньше, без гражданской войны (хотя и на грани ее). Но это все условно. С позитивами у Ельцина очень сложно.

МЕЖДУ «ПЕРЕСТРОЙКОЙ» И «ПОСТПЕРЕСТРОЙКОЙ» – БЕЗДНА

*Дедков Никита Игоревич,
зам. главного редактора журнала
«Свободная мысль»*

Я бы предложил отвлечься от частных и посмотреть на «перестройку» как на исторический процесс, развивавшийся по собственным законам и завершившийся достаточно давно, что дает возможность воспринимать его целиком.

И здесь прежде всего необходимо отметить определенное противоречие между совершенно объективным характером причин, вызвавших к жизни «перестройку» (их наличие, по моему, никто уже не отрицает), и ее жестко установленными хронологическими рамками. Мы должны ясно отдавать себе отчет в том, что причины подобных колоссальных общественных и экономических перемен накапливаются десятилетиями, и никогда ни один историк не сможет назвать точную дату на-

чала их действия. Применительно к нашему случаю, можно уверенно говорить о том, что комплекс объективных причин, вызвавших к жизни «перестройку», сформировался задолго до появления М.С.Горбачева на посту Генерального секретаря ЦК КПСС. А приходящая в голову мысль о том, что к началу 1985 года в советском обществе образовалась некая «критическая масса» нерастраченной преобразовательной энергии, в корне неверна: была бы «критическая масса» – был бы взрыв «снизу», мы же имеем дело с реформами, инициированными «сверху».

Хронологически «перестройка» с абсолютной точностью совпадает со временем пребывания у власти Михаила Сергеевича Горбачева, и этот факт вполне адекватно отражает роль субъективного, личного фактора в происшедших тогда событиях. При всех своих неоспоримых объективных причинах «перестройка» носит на себе глубокий отпечаток одной личности: Горбачев был ее инициатором, и он же во многом предопределил вектор перемен и, в конечном итоге, их судьбу. И дело тут не в каких-то особых личных качествах конкретного человека, а в системе, наделившей этого человека едва ли не абсолютной властью. Да, советская система нуждалась в реформах, но направление, характер и темп преобразований никакими объективными факторами жестко не задавались – у Горбачева (и его команды) до определенного момента была свобода выбора, и он свой выбор неоднократно делал. Впрочем – только до поры до времени, пока разбухшая социальная стихия не стала выходить из-под контроля, день ото дня сужая власти поле для маневра.

Почему это произошло – отдельный вопрос, связанный в первую очередь со скоростью и продуманностью преобразований. В истории России немало было правителей-реформаторов, и даже термин такой возник – «революция сверху». Однако по темпу реформ с Горбачевым мог бы соперничать разве что Петр I – но если Петр «закручивал гайки», то Горбачев их отпускал, а это – дело куда более трудное и опасное. Положительный пример такого рода в нашем Отечестве тоже был – эпоха Великих реформ. Но темп и уровень

обдуманности Александровских реформ не идет ни в какое сравнение с «перестройкой»: в первом случае – годы и годы, затраченные на подготовку и всестороннее обсуждение возможных вариантов и последствий, во втором – шесть лет сплошных инициатив и нововведений, за которыми, насколько сегодня можно судить, не стоял какой-либо «мозговой центр», хотя бы отдаленно напомилавший Редакционные комиссии 1850–1860-х годов. А ведь на дворе уже был конец XX века, и проблемы предстояло решать куда более сложные...

Однако заметим, что и в эпоху Александра II, при всей постепенности реформ, общественное спокойствие было поколеблено, и охота на царя, устроенная народолюбцами, – лучшее тому свидетельство. Чего же было ждать от «перестройки», в ходе которой власть разбудила общество раньше, чем поняла, что же она сама намерена делать дальше? И, что самое страшное, речь шла об абсолютно незрелом, политически неграмотном обществе, где даже интеллигенция не имела представления о том, что делать с гласностью, демократией и прочими обрушившимися на нее благами. Усугублял же ситуацию тот факт, что интеллигенция в большинстве своем к 1985 году властью была недовольна, хотя у этого недовольства и были самые разные причины. А потому «гласность» вызвала к жизни прежде всего полноводный поток критики, за которым по большому счету не было никакой позитивной программы.

Логичным и единственно возможным следствием развития такой ситуации стала резкая поляризация общества, постепенно объединявшегося вокруг двух враждебных радикальных лагерей интеллигенции при слабом, безвольном центре, состоявшем по преимуществу из людей политически неопределившихся, индифферентных, готовых пойти за тем, за кем будет сила. Авторитет власти все больше падал и, соответственно, росло влияние левых и правых радикалов (при всей условности этих наименований). С одной стороны, на власть давили представители так называемой демократической интеллигенции, требовавшие все большего расширения демократии, но при этом (в силу совершенно определенных исторических причин) не умевшие понять роль и значение современного го-

сударства. С другой – требовали наведения порядка представители правого лагеря, аналогичным образом не умевшие ценить значимость человеческих прав и свобод. Джин политической борьбы был выпущен властью из бутылки вместе с «гласностью» и инициированием демократических реформ; загнать его назад было уже невозможно. «Перестройка», начатая как реформы, все больше приобретала революционные черты, и, казалось, что итогом ее станет победа одного из радикальных лагерей. Однако, поскольку ни один из них не имел внятной, позитивной программы – все хотели только хорошего, но совершенно не понимали, что именно надо делать в конкретных социально-экономических и культурно-политических условиях – поле битвы, как это не раз бывало в истории, досталось мародерам.

Между горбачевской «перестройкой» и ельцинской «постперестройкой» – бездна. Распалось единое государство, произошла кардинальная смена руководства страны, на поверхность вышли новые политические силы, коренным образом изменилась социально-экономическая система, произошел передел собственности... Иными словами, произошел полный разрыв с прошлым, и в таких условиях, естественно, ни о какой преемственности курса речи быть не может. Однако это ни в малейшей степени не снимает с Горбачева политическую ответственность за приход к власти Бориса Николаевича Ельцина и последовавшие за тем трансформации. Преемственность и политическая ответственность – очень разные вещи. Преемственность предполагает более или менее логическое развитие политики одного политического лидера другим. Понятие же «политической ответственности» всего-навсего констатирует, что политик должен отвечать – перед народом, перед страной, перед историей, наконец, – за все вольные и невольные результаты своей деятельности. В этом смысле Ельцин, конечно же, был результатом «перестройки». Невольным результатом.

Глубокомысленные рассуждения о том, что социально-экономические итоги «перестройки» были всецело обусловлены ходом предшествующего развития событий, представляют собой не более чем запоздалую попытку оправдания Горбаче-

ва и тех, кто помогал ему в проведении его политики. В частности, несостоятельными выглядят ссылки на «засилье» «теневых сектора» советской экономики, который будто бы и определил исход событий. С одной стороны, все вроде бы логично: «теневые» дельцы хотели легализовать свои богатства, устранить препятствия на своем пути и, в конце концов, этого добились. Однако, прежде чем согласиться с такой логикой, следует вспомнить, что очень могущественный «теневой сектор» (до 30% официального ВВП) имеют многие страны мира, в том числе и те, которые принято относить к числу развитых (классический пример – Италия), а в США абсолютный объем «теневой экономики» достигает 700 миллиардов долларов. Но нигде трансформации, подобные нашим, не происходят. Более того, в советской системе власть имела куда больше возможностей для противостояния «теневому сектору», чем в западных странах, но не сумела или не захотела ими воспользоваться. А это уже вопрос политики, политической воли и, опять-таки, политической ответственности. Конечно, «теневой» фактор присутствовал и определенным образом влиял на развитие ситуации, но куда больше влияло на него, например, желание многих партийных и комсомольских деятелей конвертировать свою отнюдь не «теневую» власть в собственность. Кстати сказать, «теневой сектор» экономики современной России составляет, по разным оценкам, от 20 до 40% ВВП, что значительно выше, чем в СССР. Так что ж теперь, смириться с неизбежностью новой криминальной революции?

«ЕГО ВЕЛИЧЕСТВО – СЛУЧАЙ»

*Дурновцев Валерий Иванович,
д-р ист. наук, проф., декан факультета истории
и философии Университета Российской академии образования*

Замечено: об эпохе переворота не судят по его сознанию. Если это так, а это так, то исторически ничтожный – разумеется, с точки зрения хронологии, – отрезок, вошедший в мировую историографию как перестройка, может стать предметом

сколь угодно строгого анализа лишь тогда, когда последние участники событий покинут этот мир. Но, задумываясь над этими не такими уж и оригинальными словами Мишеля Фуко, можно не сомневаться, что канун гибели крупнейшего многонационального государства в человеческой истории и создания на его обломках новых государственных образований с неопределенной судьбой будет неизменно занимать и волновать исследовательские умы. Подлинное изучение перестройки – дело отдаленного будущего. Рождение и гибель великих цивилизаций слишком заманчивый и притягательный сюжет для философии и истории. И конечно же, новые поколения не удовлетворятся лежащими на поверхности объяснениями, отчего так хорошо начатое дело так дурно закончилось, или сентенциями вроде «ветра перемен», «очищении», «возвращения к истокам» и пр. Короче говоря, от выводов и умозаключений сегодняшнего дня мало что останется, если останется вообще.

Всемирно-исторический масштаб событий, последовавших после опытов перестройки, предполагают их характеристику не только в контексте предшествующего им периода, но и последующих геополитических перемен. И то, что эти перемены весьма далеки от сколько-нибудь устойчивого завершения, также позволяет скептически оценивать современные, «юбилейные» дискуссии.

В то же время нельзя не обратить внимания на их самоценность и значимость для будущего. Постперестроечное сознание как частный случай сознания перестроечного содержит порой поразительные образцы мифотворчества. Особенно тогда, когда творцами мифов выступают те, кому перестройка «обязана» своей неудачей. Тогда как они ей обязаны всем. Недавно из уст одного весьма деятельного участника встречи в Беловежской пуще прозвучали слова о том, что он-де тяжело пережил распад Советского государства и хочет направить всю свою энергию на укрепление (читай: укрепление вертикали власти) Российской Федерации.

Мифы о перестройке растут как снежный ком. Вольно или невольно они создают угрозу научному освоению беспрецедентного со всех точек зрения исторического явления. Уже

сейчас необходимы значительные историографические и историко-ведческие усилия по осмыслению этого материала.

Если говорить по «гамбургскому счету», перестройка и постперестройка лишней раз доказывают ошибочность формулы «после этого, значит вследствие этого». Смею утверждать: современная историческая действительность входит в решительное противоречие со многими идеями и идеалами перестройки. Но нет и пропасти. Достаточно заглянуть в Конституцию Российской Федерации.

Не соглашусь с утверждением о большом общественном резонансе, который вызвал 20-летний юбилей перестройки. Власть в общем отнеслась к нему нейтрально. Могу предложить одно из объяснений. Власть, скрывая свой реальный интерес к перестройке, на самом деле чрезвычайно тщательно изучает ее, в первую очередь в контексте возможных угроз и опасностей. И мнимых, и вполне очевидных. Точно так же анализируются причины, ход и последствия, ближайшие и отдаленные, «оранжевой революции» в Украине.

Спустя 20 лет после начала перестройки новая государственно-политическая система нуждается в основательной встряске. И чем дальше она будет заходить в укреплении своей вертикали, тем более непредсказуемыми могут стать последствия ее вначале косметического ремонта, а потом и демонтажа.

В ходе нашей дискуссии мельком, но достаточно негативно говорилось о ельцинском наследстве. Конечно, это другая тема и другой сюжет. Но опыты децентрализации власти, приближения власти к гражданам, реализации в законодательстве принципа разграничения полномочий и ответственности между всеми ветвями власти, создания системы сдержек и противовесов, построения подлинной федерации, развития реально-го местного самоуправления, «демократии участия», по моему мнению, еще будут востребованы.

«Подморозка» общества, свидетелями которой мы сейчас являемся, всегда имеет своим результатом «Оттепель».

О нравственной стороне перестройки. Среди активных участников демократического движения в годы перестройки было

немало людей, оказавшихся далеко не на уровне ответственных задач, которые перед ними поставила действительность. Стремление и воля к власти, и в первую очередь к власти, обусловила в дальнейшем или их политическое забвение, или маргинальное, хотя внешне и почетное, существование.

И последнее. Нынешнее стремление обнаружить закономерности исторического движения страны и общества в годы перестройки понятно и объяснимо. Но нельзя игнорировать и его величество случай. Великий исторический шанс сохранения советской цивилизации и одновременного его существенного обновления был упущен, в том числе и в результате рокового стечения обстоятельств.

«ВЕЛИКИЙ ОБМАН»

Логинов Владлен Терентьевич

Как видите, обсуждение наше оказалось достаточно результативным. Помимо сближения позиций по ряду вопросов, обозначились и некоторые узловые проблемы, которые заслуживают внимания исследователей.

Первая – анализ и оценка той эволюции, которую проделало советское общество, его экономика, сфера духовной жизни и этнонациональных отношений к середине 1980-х годов. Когда Андропов заметил, что «мы плохо знаем то общество, в котором живем», – он нащупал, пожалуй, самую болевую точку. И на то у него как руководителя КГБ были, видимо, основания. Ибо он знал, что наиболее распространенным типом нелегальных организаций являются различного рода националистические группы и так называемые «марксисты-ленинцы» и т.п.

Разрыв между теми высокими ценностями, которые декларировались властью, и теми реалиями, которые уже сложились в жизни, был огромным. Деформировалась политическая сфера. Долгие годы отчуждения людей от выработки политических решений оставили тяжелое наследство патерналистских отношений между народом и властью. Поэтому, даже получив

в годы перестройки соответствующие права, люди ждали, когда кто-то «сверху» решит их проблемы. Этот низкий уровень политической самодеятельности и создавал почву для демагогии и «черного пиара».

Все более трансформировалась социальная структура. Ее углубляющаяся дифференциация, рост привилегий у правящей верхушки, разрыв между верхами и низами – все это (на фоне заявлений о социальном равенстве) слишком бросалось в глаза. Глубокие перемены происходили и в сфере национальных отношений, духовной жизни и т.д.

Я не считаю, что все это заранее предопределило судьбу перестройки. Но важно понять, что когда встал вопрос о реформировании социализма, сама жизнь показала, что того социализма, который существовал в учебниках «Научного коммунизма» и, видимо, в головах многих лидеров – уже не было.

Тем не менее, идея социальной справедливости прочно существовала и сейчас сидит в сознании людей. Будущие лидеры постперестройки учитывали это. Идя к власти, Ельцин не провозглашал курса на «дикий капитализм». Наоборот, он взывал к социальной справедливости, один раз проехал на трамвае и даже сходил в районную поликлинику. А когда в 1992 году «отпустили» цены, то народу было обещано, что терпеть ему придется лишь 2–3 года, после чего Россия войдет в десятку самых успешных и цивилизованных стран.

Эта проблема «Великого обмана» нуждается в самом серьезном исследовании. Мы часто задаемся вопросом: почему Беловежский акт и развал СССР не вызвали никакой протестной реакции в массе населения, которая незадолго до этого проголосовала на референдуме «за». Но вспомните: Беловежский акт не прокламировал отмену Союза. Он давал ему лишь новую форму – СНГ – с единой обороной, внешней политикой, прозрачными границами, сохранением хозяйственных связей и т.д. Без учета этого «Великого обмана» трудно оценивать события тех лет.

И еще... Неизученной, а стало быть наименее понятной является историческая оценка распада СССР. Мы и сегодня упоминали о нем лишь как о национальной трагедии. Между тем,

тем, его международные последствия еще более тревожны. Ликвидация прежнего «двоецентриа» в мире – это не сфера сугубо внешней политики и усиления позиций США. Это вопрос о судьбах современной цивилизации.

СССР был своего рода мостом между «Западом» и «Востоком», «Севером» и «Югом». И на назревавший глобальный социально-политический конфликт между ними СССР, как великая держава, обладавшая прочными позициями на «Севере» и на «Юге», на «Западе» и «Востоке», оказывал огромное воздействие. С ликвидацией СССР этот мощный «облагораживающий», сдерживающий регулятор конфликта перестал существовать. А стало быть, социальная подоплека конфликта будет все более заслоняться этнонациональными и конфессиональными проблемами. Впрочем, все это надо изучать...

Можно надеяться, что когда – эдак лет через 10 – ученые вновь соберутся за «круглым столом», чтобы суммировать итоги изучения истории перестройки, те проблемы, которые обсуждались сегодня, видимо, станут уже более ясными и прозрачными.